Джастисмен

Автор:
То Сону

Джастисмен

То Сону

К-триллер

Серия убийств, совершенных похожим способом – у каждой из жертв во лбу по два пулевых отверстия, – вызывает ропот общественности.

В этих страшных следах преступлений, в том, как разметались по стене и предметам окружающей обстановки кровавые брызги и подтеки, есть нечто, напоминающее творчество знаменитого художника-абстракциониста Джексона Поллока.

Пока полиция не в состоянии определить мотивы и выйти на след убийцы, на просторах интернета появляется некто под ником Джастисмен. Он администратор быстро набирающего популярность форума, где как раз и обсуждается череда загадочных убийств. Его посты, в которых он демонстрирует удивительное умение анализировать факты и выстраивать их в логическую цепочку, приобретают всё большее доверие у форумчан.

И вот у Джастисмена уже более полумиллиона преданных последователей, а мнение этого сообщества, в свою очередь, становится истиной в последней инстанции…

«Джастисмен» – роман южнокорейского писателя То Сону, за который он в 2017 году удостоился крупнейшей литературной премии Кореи – Segye Literature Prize.

То Сону

Джастисмен

JUSTICEMAN by Do Seon-woo

Original Korean edition published by NamuBench

Russian translation rights arranged with Imprima Korea Agency (Korea) and Impressum Literary Agency (Russia)

Печатается с разрешения издательства NamuBench и ООО «Литературное агентство Импрессум»

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea).

Copyright © Do Seon-woo, 2017

© Хмельницкая К. Л., Ким Ханна, Ю Джонхи, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2020

Композиция / Composition

Два пулевых отверстия.

Две пули навылет: вошли в лоб, вышли из затылка. Две аккуратные дырочки во лбу, словно еще одна пара глаз. Две черные ноздри, два черных глаза и два черных отверстия. Отличная фотография.

Мужчина выпустил из руки компьютерную мышь и достал сигарету. Ее пламенеющий кончик медленно таял, словно наталкивался на невидимую стену и исчезал в другом измерении, а мужчина все не отрывал взгляда от монитора. В уголке рта у него появились морщинки, но отчего кривились его губы, понять было невозможно.

Убитый сидел, прислонившись к белой стене, руки безвольно повисли, глаза широко распахнуты: казалось, он сам не в силах поверить в свою смерть. Покойник смотрел в пустоту, словно не мог оторвать глаз от собственной души, без спроса покинувшей тело.

Позади жертвы был виден разляпистый след крови: словно огненный столп, который вырвался из ада, исчертил стену вертикальными линиями. Где-то на высоте человеческого роста, на стене багровело пятно, похожее на закатное солнце. От него шли алые лучи и перистые облака, будто нарисованные детской рукой.

Мужчине подумалось, что это страшно похоже на картину Джексона Поллока. Он не сомневался, что, если взять цвета и символы с полотен художника, то линии и плоскости совпадут со следами крови на стене. И он знал почему: это было проявление злобы, извечно присущей человеческой природе.

Поллок бы тоже узнал этот хаотичный выброс корчащихся, словно живущих собственной жизнью линий и пятен, эту жажду жестокости и разрушения. Наверное, ночами лицо Поллока пылало жаром, а глаза наливались кровью от неукротимого желания что-нибудь разбить или раздавить. Художник разбрызгивал это желание на огромный холст и тем утолял свою злобу: именно так зарождается искусство.

«Вот в чем секрет абстракций Поллока, того трепета, который они вызывают у людей», – продолжал рассуждать мужчина. На этих полотнах распускаются цветы зла, которые таятся в глубине наших сердец. Нам словно явлена наша собственная душа, усыпленная заповедями и законами, и древнее зло, почуяв наш взгляд, начинает высвобождаться из-под власти бессмысленных запретов, выбирается на свободу из глухой темницы. Его яркая притягательность пленяет бесчисленное множество глаз и сердец, заставляя их снова и снова наслаждаться восторгом безграничной свободы.

Зло, существующее с самого сотворения мира, – всего лишь иная часть жизни, другой ее цвет, еще одна ее особенность. Однако тысячи лет людям приходится скрывать зло в потаенных уголках сердца – и, как все запретное, оно стало притягательно. Боясь нарушить равновесие жизни, люди заключили молчаливое соглашение затаить зло внутри себя – в этом изнанка человеческой природы.

Нередко зло проявляется в жизни человека как коварство и подлость. «Но коварство и подлость не могут быть сутью зла, это всего лишь одна из его форм, его злокозненное искажение, – думал мужчина. – Если зло не связано со справедливостью, оно только бессмысленный грязный осколок, бессильный донести до нас суть зла».

Мужчина знал, почему люди не в силах оторвать взгляд от этой фотографии: смерть на ней была отражением того чистого зла, которое таится у нас внутри, струится по нашим жилам. В прямоугольник фотографии вместилась вся правда о человеческой смерти: нутро человека, изображенное брызнувшей из затылка кровью, и подлинные глаза, пробитые двумя пулями. Человека с душою художника этот образ побуждает возродиться к новой жизни, становится залогом его воскресения, его тотемом.

«Стоит человеку отбросить искусственное «я», сковывающее его подлинную природу, – размышлял мужчина, глядя на фотографию, – как он увидит на этом снимке истинное зло, ощутит его естественность и чистоту». Если человек осознает и примет те чувства, которые вызывает в нем подобное искусство, если он поймет, что красота кульминации – в жестокости, тогда он поймет и прочувствует работы таких художников, как Джексон Поллок. Поймет правду, которая скрыта в этой фотографии.

Фотография была из Интернета. Но она скоро исчезнет с сайта, откуда ее скачали: это ведь не кадр из фильма, это фотография с реального места преступления в городе Сеул, столице Республики Корея. Первая жертва серийного убийцы.

Что фотография подлинная, было понятно по тому, с какой скоростью отдел по борьбе с киберпреступностью удалял ее с сайтов и форумов. Но полицейские все время на шаг отставали: они так и не смогла установить, как фотографии с места преступления попали в Интернет. Известно было только то, что IP – китайский.

Остановить дальнейшее распространение фотографий было невозможно, они постоянно всплывали на всевозможных интернет-ресурсах. Оставалось только искать и удалять их отовсюду. Полиция предупреждала, что публикация таких фотографий незаконна, но никто не обращал внимания на запрет, а на полицию обрушилась волна критики.

В Интернете писали, что копы ничего не делают, только выискивают и удаляют фотки, между тем убитых уже семеро! По крайней мере, именно так это выглядело для обычных людей: в городе семь жертв, а полиция не то что не имеет описания внешности преступника, она даже о его мотивах гадать не осмеливается. Полиция оказалась совершенно беспомощна: все, что могли сказать следователи, это то, что убийства совершил один и тот же человек, поскольку способ убийства одинаков. Но это же и собаке понятно! Не произнеси полиция слова «серийный убийца», люди бы и сами сообразили, что речь идет о маньяке.

Все жертвы были застрелены, они получили по две пули в лоб.

Это доказывало, что убийца – один и тот же человек, но ни следов, ни улик так до сих пор и не удалось обнаружить. Совершенно непонятно, как преступник выбирает жертвы: убитые никак не были связаны друг с другом, у них не было ничего общего, и следователи пребывали в полном недоумении.

Люди гибли один за другим, и обыватели перестали доверять полиции, которая не может ни выйти на след преступника, ни хотя бы попытаться описать его мотивы. Обычно жертвы серийных убийц чем-то схожи между собой: убивают, скажем, молодых женщин, или людей в красной одежде, или богатых стариков. Но в этот раз между убитыми вообще не было ничего общего. Понимание того, что сейчас любого могут пристрелить где угодно и когда угодно, нависло над людьми, точно луна в кровавое полнолуние. Ужас и паника нарастали. И тут за дело взялись обитатели Интернета.

В ситуации, когда невозможно узнать, кто и когда погибнет следующим, юзеры решили защитить себя сами: они делились на форумах самыми разными деталями, в том числе и фотографиями жертв. Некоторые, правда, писали, что отвратительная фотография лишь вселяет в людей ужас, но толку от жалоб и запретов не было: никто не мог остановить распространение этих фотографий. Как бы быстро полиция их ни отыскивала, они распространялись со скоростью вируса, атаковавшего ослабленный организм.

В Интернете полицейское ведомство поносили последними словами. Множились остроты про копов, которые только «фотки в тырнете горазды выпиливать». И это было только начало. Несмотря на то, что некоторые следователи ушли в отставку, полиции по-прежнему доставалось по первое число, что бы она ни предпринимала. Любое действие следователей сразу давало новый повод для издевки. А одного копа даже закидали яйцами, и уже совсем не виртуально.

В какой-то момент общее внимание привлек форум, администратором которого был человек с ником Джастисмен. Его логичный анализ событий радикально отличался от информационной помойки на других сайтах.

Джастисмен прекратил панику первым же постом: его необычный взгляд на ситуацию всем напомнил, что можно мыслить куда спокойнее и контролировать свои эмоции.

Джастисмен писал, что все сущее в мире развивается от причины к результату. Но люди обращают внимание на один только результат, чем создают новые проблемы.

Иногда бывает так, что человек разочаровывается и начинает ненавидеть свою обычную жизнь. И если в это время он столкнется с чужими страданиями, его пробудившееся самосознание может превратиться в маниакальное стремление восстановить справедливость.

Ощутив сочувствие к тому, кого они посчитали жертвой, люди вспоминают о правосудии и без всякого разбора ополчаются на тех, кто выглядит агрессором. «Они думают, будто ими движет благородство, но на самом деле это не что иное, как желание убежать от своих собственных проблем. Их действия – только разновидность подлости», – категорично заключал Джастисмен.

«Беда в том, что желание восстановить справедливость, рожденное наивным сочувствием, нередко оборачивается безумным желанием устроить самосуд. А это приводит к появлению новых жертв уже во имя справедливости, – писал Джастисмен. – И такое правосудие, рожденное эмоциональным откликом, а затем без суда и следствия навязанное миру, – это всегда чудовищная жестокость».

Следующие посты Джастисмена, в которых описывались основные мотивы убийцы и намечались конкретные связи между убийствами, впечатляли еще сильнее, чем его первый пост-манифест о семи убийствах. Так или иначе, посты об отдельных убийствах произвели эффект разорвавшейся бомбы, приковав внимание юзеров и завоевав их доверие.

«У всех этих убийств общее орудие преступления. Преступник всегда использует револьвер – точно такой же, как тот, которым пользуется наша полиция. Все жертвы, кроме двух, получили по две пули в лоб», – напоминал Джастисмен. И добавлял, что, судя по ранениям, стреляли всегда с близкого расстояния. Впрочем, обо всем этом сообщала и полиция. А вот дальше начиналось интересное: Джастисмен смог обнаружить другие связи между убийствами – чего не удавалось ни полиции, ни СМИ. Свои выводы интернет-эксперт подкреплял многочисленными материалами, собранными за несколько лет: часть этих материалов была им взята из статей в Интернете, другие он обнаружил в результате собственного расследования. Доказательную базу Джастисмен собрал просто огромную. Форумчане диву давались: где и как можно было раздобыть такие сведения? И как полно, тщательно и логично подан этот материал!

Одним словом, посты Джастисмена произвели на людей огромное впечатление. Большинство читателей полностью приняли их на веру, и гипотеза Джастисмена стала считаться доказанной истиной. За один день на его форуме зарегистрировалось более пятисот тысяч пользователей, их число неуклонно росло, а неуловимый серийный убийца превратился из жестокого маньяка в героя общества.

Серая радуга / Greyed Rainbow

Жил в Корее один неприметный офисный служащий лет двадцати с небольшим; когда-то он выбрал неинтересную работу и теперь влачил бесцельно-будничное существование, и было ему это не просто тяжело, а прямо-таки нестерпимо. И даже оглядываясь в прошлое, ничего он там не видел, кроме череды одинаково удушливых дней.

Как так вышло? Если это неправильный вопрос, то… Почему он так несчастлив? С каких пор он живет вот так? Была же у него мечта, когда он учился в школе! В свободные минуты на уроках ему всегда было о чем подумать, подперев голову рукой и устремив взор на классную доску. Цели, мечты, замыслы…

Школьника убивала жизнь, в которой вечно приходилось подчиняться чужим правилам. Но, будучи пока еще подростком, он не мог осознать, что же идет не так, и лишь в глубинах своего естества ощущал невыносимое давление.

Все считали его добросовестным, но рассеянным и инертным учеником. А ему и в голову не приходило, что это никак не подлинная оценка его талантов, а всего лишь взгляд посторонних людей на ту жизнь, которую он проживал не по своей воле.

Каковы бы ни были его истинные способности, случилось так, что он не вошел в «конкурентное общество», которое сложилось в старшей школе. Он все больше молчал, ничем не выражая себя, а в мире, чем ты больше молчишь, тем меньше у тебя остается возможностей высказаться. Вскоре он перестал для них существовать.

Он думал о себе словами чужих людей, исходил из оценок, которые давали семья и учителя. Можно сказать, что его характер, его личность вылепили окружающие. А его истинное «я» – ему самому неведомое – оказалось задавлено и, вместо того, чтобы тянуться вверх, растеклось где-то в глубинах души. Конечно, он сам не мог осознать, что происходит, и лишь страстно желал, чтобы поскорее прошли эти дни, бесконечно далекие от той жизни, которая была ему нужна.

Но тогда он еще на что-то надеялся. Еще оставалась смутная вера в то, что, как только закончится безумно скучная старшая школа, он заживет совсем по-другому – пусть сейчас невозможно узнать, как именно, но его жизнь обязательно изменится! Это была едва ли не инстинктивная потребность вернуть собственное «я», свернувшееся в клубок где-то глубоко внутри. Но ему еще не стукнуло двадцати, и нащупать в себе эту внутреннюю опору он не мог.

Так он и закончил школу, ощущая лишь смутное желание жить иначе. У него не было возможности поступить в те вузы, куда нацелилось большинство одноклассников. Дело было не только в том, что плата за обучение легла бы

слишком тяжелым бременем на плечи его родных. Ему не из чего было выбирать: с такими оценками, как у него, невозможно было поступить в приличный вуз, чтобы потом получить шанс устроиться на хорошую работу. И потому, по негласному мнению учителей, этому ученику не было смысла получать высшее образование.

Направления, которые нравились ему самому, никак не помогли бы с удачным трудоустройством, и поэтому, когда он попытался об этих вариантах заговорить, на него посмотрели, как на ненормального, и старший брат, учившийся в университете на родительские деньги, высказал общую мысль: «поступай в любой институт, но если учиться будешь какой-то ерунде – сам на учебу себе и зарабатывай». Все это было очень далеко от мечты жить своей жизнью; он не знал, как поступить, только болтался целыми днями на улице и упустил время. Настал день, когда он понял, что не в силах больше мучиться от неопределенности, и поступил в военное училище.

К тому времени, как он стал сержантом, мечта нащупать свой путь в жизни окончательно развеялась. В армии он смирился с мыслью, что наш мир не то место, где человек достигает желаемого. Армия учила задавить в глубинах души многоголосый хор, потому что выжить можно было, только приняв то «я», которое могло жить по законам этого мира. Жить так, как живут другие. Жить в мире, подчиненном логике силы и власти, логике большинства.

«Я», которое его заставила выбрать армия, умело беспрекословно повиноваться чужой воле. Если в школе его хотя бы не принуждали думать, как все, и он вполне мог мечтать о другой жизни, то теперь ему пришлось полностью принять жесткие правила общества и отбросить смутные грезы. Со временем он даже позабыл о том, что у него когда-то были какие-то мечты.

Незаметно для себя он поверил, что человеку без особых талантов, родившемуся в простой небогатой семье, а после школы оказавшемуся в армии, остается только отдаться на волю волн мирового потока и плыть по течению – иначе спокойной жизни ему не видать. Поэтому после дембеля он оказался там, куда его вынесла стихия.

Недолго помедлив в неведомом пространстве на обочине общества, за пределами армии и семьи, он пошел на работу, куда брали без высшего образования, не задумываясь, нравится она ему или нет.

Устроился он страховым агентом: тогда в агенты брали всех, а перспективы карьерного роста были вроде бы неплохие. Вот только людей, ищущих подобную работу, становилось все больше, и конкурировать с женщинами, давно научившимися не спорить с жестоким миром, а ловить волну и двигаться вперед, было непросто. Какое там повышение, спасибо, что не гонят.

Куда бы ни занесла его жизнь – на фирму, в армию или в школу, никаких особых талантов он не проявлял, и, обладая довольно необщительным характером, ни с кем близко не сходился.

Казалось, его душа спряталась где-то в иных мирах, а на земле осталось лишь его тело. С восходом солнца он открывал глаза и, не думая ни о чем, шел зарабатывать деньги. Лучше всего у него получалось просто выдерживать повседневность. Он жил тихо-тихо, неприметно, словно и дышать перестал.

Ладно бы он был человеком, который отлынивает от работы и, соврав, что у него встреча с клиентом, идет по своим делам. Тогда хотя бы было понятно, почему он ничего не добился.

А он просто не мог вложить душу в эту нудную работу, и потому, как ни старался, толку от его усилий не было никакого. Бывает ведь: ходит торговец по всему городу, зазывает покупателей, расхваливает свой товар, а продать ничего не удается. Так было и с ним.

Не его это была работа – с какой стороны ни глянь. Он и сам об этом догадывался, но помня, что мало кому выпадает удача заниматься любимым делом, просто старался выполнять любое поручение как можно лучше.

Понятно, что фраза «я старался как мог» вполне способна обернуться пустыми словами, но в нашем случае и коллеги и начальство прекрасно знали, что этот молодой сотрудник и в самом деле никогда не отлынивает. Знали не потому, что за ним следили, просто всем было очевидно, что он действительно старательный и исполнительный человек.

Для него не было секретом, что на работе его не ценят и вспоминают о нем только тогда, когда надо сделать что-то нудное и не ахти какое важное. Зато коллеги до такой степени не видели в нем конкурента, что им даже не приходило в голову его подсиживать.

Как ни угнетало его это положение, он не видел возможности что-либо изменить. На гражданке он ничем, кроме страхования, не занимался, и никуда, кроме как в торговлю, его бы не взяли. О другой работе и мечтать не приходилось. Но даже появись она вдруг, ему не хватило бы храбрости написать заявление об уходе.

Так что он просто жил.

Скажут «поди-ка сюда» – подойдет, скажут «отойди» – отойдет, окликнут – отзовется; такой была его повседневная и в общем-то не самая плохая жизнь.

С каких пор она стала такой?

На фирме именно ему приходилось выполнять всякие малозначительные поручения, в том числе во время корпоративов. Он всегда уходил с работы последним. Даже коллеги помоложе, и те гоняли его туда-сюда с поручениями, а ему и в голову не приходило отказываться.

Печально, но такова была его жизнь.

И потому нет ничего удивительного в том, что тогда, в тот день, он остался посреди улицы один-одинешенек.

В тот день у них был корпоратив, и он так наклюкался, что не заметил, как наступил рассвет. Однако при посторонних он не позволял себе совсем расплыться и потому окружающие редко понимали, до какой степени он пьян.

Как это было заведено, сначала он отправил на такси домой все начальство, потом всех коллег, убедился, что все разъехались, а потом вдруг уронил голову, точно сломанная сильным ветром сухая былинка. Голова тряслась, дрожь передалась телу, опьянение навалилось на него всей тяжестью, и ноги перестали его слушаться. И когда он попытался сдвинуться с места, идти получилось только зигзагами.

Останавливаясь, он втягивал живот, стискивал зубы и сжимал кулаки, словно мастер кун-фу, концентрирующий энергию. В эти мгновения его охватывал беспричинный гнев, и, пытаясь хоть как-то очухаться, он оглядывался по

сторонам и делал глубокий вдох.

Он был один, он не мог победить опьянение и больше всего походил на сдувшийся воздушный шарик, тоскующий по небу. Он все больше хмелел, ноги несли его совсем не туда, куда он хотел направиться; шатаясь и то и дело падая, он блуждал по незнакомым переулкам.

Хмель подчинил себе тело, разум захлестнуло волной ярости. В какой-то момент сознание вернулось, мигнув, словно лампочка, свисающая с сырого потолка подземелья. «Зачем я брожу по этим улицам?» – промелькнуло у него в голове, но мгновенье спустя вопрос погас без ответа.

Ему раньше было невдомек, что внутри него может таиться другое «я». Кто его знает почему, но до сего дня он и не предполагал, что человеку нужно иногда вглядываться в глубины собственной души.

Наверняка это из-за того, что в школе он слушался учителей, в армии действовал по уставу и выполнял приказы, на гражданке и думать не смел противиться чужому мнению, а потому попросту не находил времени на себя, на то, чтобы заглянуть в свое сердце, осознать собственные потребности и желания.

Собственно говоря, он ведь только и делал, что просто терпел происходящее, изо дня в день, с утра и до вечера, с того момента, как откроет глаза, и до самой ночи. И вдруг выяснилось, что в голове у него, в груди, в глубинах его существа таилось и ждало своего часа истинное «я».

Стоило только вышколенной обществом личине дать слабину и потерять контроль над телом, как это другое «я» поднимало голову, разливалось по кровеносным сосудам, просачивалось в клетки и начинало борьбу, словно подпольная телестанция, что распространяет пробивающийся сквозь блокировку сигнал.

Его истинной сущности случалось очнуться и раньше: тогда его охватывала накопленная за долгие годы злость на мир, все это время презиравший и унижавший его. Но обычно озлобление это достигало некоего пика и сходило на нет. Однако в тот день все пошло не так, как обычно. Вместо того, чтобы схлынуть, закипевший гнев ударил в самую маковку, взорвался, вырвался

наружу, словно петарда, и, возвращаясь, огнем разлился по всему телу. Офисный тихоня заорал на всю улицу: «Что я здесь делаю? Только суньтесь! Сволочи! Мы еще поглядим!..» С бессвязными воплями он потрясал кулаками и, точно тэквондист, наносил невидимому врагу удары ногами. Его угрожающие жесты и крики могли бы напугать, но на улицах было пустынно.

Пока они отрывались с коллегами, лишь по косящим глазам и теряющей связность речи можно было догадаться, насколько он пьян, но, оставшись один, он изменился до неузнаваемости, словно превратился в другого человека. Нет, он и в самом деле стал другим.

Невозможно было сдержать злобу, которая так долго копилась внутри, а теперь разлилась кипятком по его телу. Жар, всё горячее, подступил к горлу, ударил в голову – и фонтаном взлетел в небо.

Его восприятие обострилось, и, уловив шорох или мелькание, он оборачивался, таращил глаза, пока взгляд не фокусировался на цели – наводился, что твой оптический прицел, того и гляди щелкнет затвор! Его отбросило назад, но он устоял и выпрямился, весь дрожа, тыча пальцем и впиваясь взглядом в нечто, видимое лишь ему. Бормоча ругательства низким угрожающим голосом, он вдруг резко обернулся, вновь услыхав какой-то звук, и вдруг принялся бить по воздуху, словно мастер боевых искусств, оттачивающий «пьяный стиль».

Так он бродил по незнакомым улицам, шатаясь и бормоча что-то невнятное, пока не воскликнул внезапно: «О! Домой же пора!» – и медленно, на заплетающихся ногах, словно солдат разбитой в пух и прах армии, вернулся к шоссе. Место очень напоминало то, где он ловил такси для коллег, но теперь он стоял, опасно раскачиваясь, а машины проносились мимо и никто не хотел его подвозить.

Он понурил голову, словно начал молиться, а потом вдруг, точно собака, которую позвал хозяин, обернулся, спрыгнул с бордюра и бегом бросился на проезжую часть, пугая водителей.

Одним махом добрался до второй полосы четырехполосного шоссе, крикнул: «Гады, не игнорьте меня!» – и тут же бегом вернулся на тротуар, перепуганный светом фар, гудками и скрежетом тормозов, раздавшимися, когда разом затормозило множество машин. Вслед ему неслась брань оторопевших водителей, а он вдруг снова выскочил на дорогу, опять вернулся, повторил этот

трюк несколько раз – и тут ощутил сильную резь в желудке. Его начало тошнить, скрутило живот, а голова, казалось, вот-вот расколется.

Он весь съежился, стоя посреди тротуара и пытаясь справиться с приступом. Боль то вспыхивала, то гасла, словно электрический ток в сломанном переключателе, и до него дошло, что сейчас ему позарез требуется не такси, а туалет. Помрачение отступило, и он сообразил, что такие дела посреди дороги не делаются. Пытаясь сдержать поднимающуюся к горлу тошноту, он зашагал в сторону зданий.

Он не мог остановиться или закричать. Казалось, если он хоть на секунду расслабится, его тотчас вырвет. Или того хуже. Положение было настолько серьезным, что он враз почти протрезвел и тотчас почувствовал жар. Пот выступил на лбу, ручейками побежал по спине.

Он носился по улице, как сумасшедший. Чем дольше он бегал, тем сильнее крутило живот, но отыскать сортир не удавалось. Как назло, кафе и кабаки уже не работали, а туалеты на лестничных площадках были заперты. На трезвую голову он бы нашел выход, но он все еще был пьян, а время поджимало. Больше терпеть он не мог. В конце концов, он решил зайти в какой-нибудь подъезд и облегчиться прямо в холле. Но в этот самый миг…

Внезапно и неудержимо изо рта хлынули остатки ужина. Он застыл, не в силах остановить ударивший из него фонтан, ему казалось, что все внутренности выворачиваются наизнанку. Это было на перекрестке перед каким-то небоскребом. Он медленно-медленно подобрался к цветочной клумбе у самого небоскреба, припал к ней и изверг из себя все, вплоть до желчи. Через какое-то время он попытался, наконец, встать, выпрямиться и тут – фьюить! – все вокруг него закружилось.

Отступившее было опьянение навалилось с новой силой. Справиться было невозможно – на него словно обрушилась песчаная буря: его смело, оставшиеся капельки сознания слились в одну точку и погасли, словно мигнул и выключился черно-белый экран телевизора.

Он очнулся в тот же день в полдень, в КПЗ. И совершенно ничего не мог вспомнить, даже как провожал начальника и коллег: воспоминания обрывались где-то перед этим. Изредка в голове всплывали смутные картинки: как он бежит

по незнакомым местам, но куда и зачем бежит – не помнил и распознать, сон это или явь, тоже не мог, а потому назвать это воспоминаниями было сложно.

И, разумеется, ни малейшего представления о том, как он оказался в камере.

В полицейском участке составили протокол, сделали все, что полагается в таких случаях, и, наконец, получив административное взыскание, он смог пойти домой. Полицейский сказал, что еще надо будет поблагодарить охранника небоскреба. И добавил, что ему, этому охраннику, пришлось убирать дерьмо и блевотину. Неужели он взял и вот так запросто спустил штаны и насрал прямо посреди улицы? Но именно там, у клумбы, его, дрыхнувшего со спущенными штанами возле наложенной кучи, и обнаружил охранник, которому эту кучу пришлось убирать.

«Не напивайтесь так больше», – напутствовал его дежурный полицейский.

В понедельник он пошел на работу, и там даже не подозревали, что? с ним произошло. Никто не спросил, благополучно ли он добрался до дома: все собрались вокруг одного компа и обсуждали топовую новость из Интернета. Он подошел поближе и на расстоянии заглянул в монитор. Следуя за курсором, его взгляд отыскал нужный заголовок в самой верхней строчке топовых новостей.

«Мерзкие опарыши наводняют город нечистотами!» – гласил заголовок. На мониторе было открыто множество окон, которые, похоже, все относились к этой новости. Хозяин компьютера закрыл верхнее окно, и щелкнул по фотографии, вставленной в статью.

На фото перед клумбой валялся на боку человек с полуспущенными штанами. Вокруг него – жидкие фекалии и лужи рвоты. Разумеется, как того требуют корейские законы, лицо, полуобнаженная нижняя часть тела и нечистоты скрывала «мозаика», и потому только сам виновник скандала, как ни мала была картинка, мгновенно узнал себя. Узнал, и чуть было не заорал. Кое-как справившись с собой, он поспешил вернуться на рабочее место с бешено колотящимся сердцем. Никогда в жизни ему не было так жутко, парню казалось, что он сходит с ума. Обернись сослуживцы – они мгновенно бы распознали написанный на его лице ужас. Он это понимал, но был бессилен что-либо с собой сделать.

Опустив голову и уткнувшись в блокнот с графиком рабочих поездок, он мечтал только об одном – чтобы скорее прошло утреннее совещание и можно было выйти на улицу. Никогда, никогда раньше его пульс не был таким лихорадочно-стремительным. Даже дыхание перехватывало.

Ему казалось, будто все коллеги смотрят на него, хотя было совершенно очевидно, что никому и невдомек, кто герой этой отвратительной истории. Он слышал их разговор: его имя ни разу не было упомянуто. Нет, они его не узнали, происшествие просто завладело их вниманием, тем более, что оно случилось неподалеку отсюда, а во что он был одет на корпоративе, они не помнили. Их безразличие к нему оказалось для него спасением. Он попытался сглотнуть, но во рту пересохло. О, как же он отчаянно желал, чтобы день поскорее закончился.

И день прошел, но для него ничего не изменилось. В ту ночь он то включал, то выключал компьютер, то ложился в кровать, то вставал, то садился, то снова укладывался спать, и так он провел всю ночь не смыкая глаз. Он надеялся переждать, надеялся отвлечься, заснуть и наутро обнаружить, что все вернулось на круги своя, словно ничего и не было. Но на следующий день все та же новость лидировала в топе и явно не собиралась сдавать позиции. Само собой заметок про «опарыша» меньше не стало, наоборот, появились новые, и возросло количество просмотров. Верно говорят: чем дальше в лес, тем больше дров.

Во вторник после обеда действительность превратилась в кошмарный сон. Беда, беда…

Неизвестно откуда в Интернет начала просачиваться его личная информация. Стало известно, что «опарыш» работает в страховой компании, всплыла фотка со школьного выпускного. Фотку, разумеется, «замозаичили», но необработанный исходник в Интернете можно было отыскать за пару минут. В происходящее невозможно было поверить, но это был не сон. Что, что ему было делать?

Он смирился с тем, что незнакомые люди обсуждают его в Интернете. Он был готов выдержать любую ругань, да хоть бы и побои, если бы можно было просто перетерпеть, а потом бы все это забылось и сгладилось.

Ему пришлось уволиться с фирмы, когда выяснилось, что это был он. Если бы даже ему предложили остаться, это было бы невозможно: по работе ведь надо было встречаться с клиентами, а как теперь с ними встречаться? Конечно, в лицо его узнавал не каждый встречный, но что будет, если клиент его узнает?

От одной мысли, что прохожие могут узнать в нем виновника скандала, его бросало в холодный пот. Даже если это будет один-единственный прохожий… нет, лучше уж провалиться сквозь землю! И как понять – догадались они или нет? Страх быть узнанным не отпускал его, и нет ничего странного в том, что вскоре он начал от людей шарахаться.

Все равно он пытался терпеть. Стиснуть зубы, не обращать внимания на незнакомцев, которые вдруг принимались тыкать в него пальцем, – рано или поздно эту историю забудут. «Терпи! Что тут такого, чего нельзя вынести», – твердил он себе каждый час, каждую минуту.

Увольнение тоже можно пережить. Теперь он даже не понимал, почему раньше так боялся потерять работу. Когда его избавили от выбора, стало легче. Борясь с отчаянием, он убеждал себя, что все еще может обернуться к лучшему, что наконец-то он стал хозяином своей жизни, которая до сих пор была такой нелепой и суетливой.

Но ничего из этого не вышло. Он все-таки сломался, и дело было не в том, что прохожие, завидев его, качали головами, не в его собственный слабости и неспособности выдерживать удары судьбы, а во взглядах соседей и знакомых. От их глаз было невозможно спрятаться, и, казалось, проще было бы выдержать удар ножа, чем эти насмешливые взгляды, в которых ясно читалось: «а я всегда знал, что ты за человек». Загнанному в угол, ему представлялось, что в целом мире не найдется норы, куда он мог бы забиться.

Он не чувствовал себя вправе сказать: «Это несправедливо!», да и кому это скажешь? Приятелей у него всегда было раз-два и обчелся, а семья… Была ли между ними хоть какая-то связь, помимо кровного родства? «Не было, никогда не было», – понял он и не почувствовал при этом ни сожаления, ни злости. Родные были просто людьми, с которыми его связала случайность, и он не мог надеяться на какое-то необыкновенное понимание или великодушие с их стороны. Связь с семьей представилась ему поблекшим рисунком, на котором бледными, невыразительными линиями была изображена их повседневная жизнь. Со стороны этот рисунок мог казаться полноводной рекой, но на самом

деле на пожелтевшую бумагу просто нанесли линии, которые принято проводить, если рисуют семью; а чувств, которые могли бы по-настоящему связать этих случайных людей, не было. Почему так вышло, он не знал, но, судя по всему, так было всегда.

Но, как бы ни было раньше, сейчас, когда страх сжег его душу дотла, когда вся жизнь обернулась безысходным кошмаром, было все-таки слишком жестоко со стороны родных от него отвернуться.

Он вглядывался в старинную картинку, в ее выцветшие краски и бессмысленные линии, но чувствовал только глубокую печаль, потому что внезапно увидел скрывающуюся в ней грустную историю.

Его семья не стала ему надежной опорой. Сейчас они беспокоились только о том, как бы кто не прознал об их родстве с этим самым Опарышем. Даже мама – единственная, кто проявлял к нему хоть какой-то интерес, – не протянула ему руку, не прислала ему ни строчки. Ему хотелось кричать, да так, чтобы весь мир содрогнулся: «Разве моя вина настолько огромна?!», но он не мог.

Увы, у него не хватало духу высказать это даже шепотом.

Но вот настал день, когда к нему приехал старший брат и предложил на время перебраться в деревню. Брат никогда не интересовался его жизнью, и предложение покинуть город, разумеется, не было продиктовано желанием помочь, беспокойством о его будущем. Брат и не пытался скрыть, что печется не о нем, а об остальной семье. «Мы для тебя делали все, что могли. Но от тебя, бестолочь, родителям одна головная боль, и ничего больше! Пора тебе научиться разгребать самому то, что ты наворотил!»

Случалось ему слышать от родных и более жестокие слова, но теперь он внезапно ощутил такую боль и обиду, какие не выразить словами. И он взял и уехал, хотя и не ради того, чтобы исполнить волю брата. С тех пор о нем никто ничего не слышал.

Такую историю выложил Джастисмен на форуме.

В свой пост Джастисмен добавил цитаты из старых статей про Опарыша и отрывки из интервью с его коллегами и знакомыми. Получилось так драматично,

что форумчане в бесчисленных комментариях возмущались травлей, которой общество подвергло героя поста: «Хорошенькое местечко этот наш мир! Стоит одним сделать единственную ошибку – и вся жизнь коту под хвост! А другие чего только не наворотят, а живут припеваючи, еще и нос задирают. Даже думать мерзко! И как только мы уживаемся в одном мире, в одной стране?!»

Но не эта горькая история Опарыша приковала внимание юзеров к форуму Джастисмена. Это сделал следующий пост.

Дон Кихот / Don Quixote

По словам Джастисмена, первой жертвой серийного убийцы стал человек, который выложил в Интернете фотографии Опарыша, спящего возле клумбы.

Тогда покойный учился в средней школе и, как всякий корейский школьник, нередко засиживался в библиотеке до рассвета, лишь под утро возвращаясь домой. Удивительно, но Джастисмен в мельчайших подробностях описал путь мальчика из школы до дома и привел несколько соображений в доказательство своей правоты.

Конечно, нельзя было узнать наверняка, насколько приведенные Джастисменом подробности соответствуют истине, но это было не столь уж важно. Пусть идеи Джастисмена и сложно было принять на веру, однако утверждать, что он описывает нечто невероятное, было нельзя, а значит, вполне можно было допустить, что он говорит правду.

Смотреть на дрыхнувшего посреди улицы пропойцу было противно. Взрослые морщились и спешили пройти мимо, но школьник был в том возрасте, когда в голове возникают, и в большом количестве, странные идеи, до которых взрослым никогда не додуматься. Мальчишка достал телефон и, не теряя времени даром, принялся щелкать камерой.

Вначале он снимал просто так, но потом подумал, что на самом деле он сейчас делает благородное дело, обличая взрослых правонарушителей, превращающих город в отхожее место. Звучало это красиво.

Подростки его лет относятся к взрослым с пренебрежением, и, может, поэтому мальчишке чем дальше, тем больше нравилась идея справедливого воздаяния. Эта идея обладает странным очарованием, которое сложно с себя стряхнуть, пока не огребешь как следует. Это стремление рождается из способности человеческой души судить чужие поступки, и потому всякий может, поддавшись искушению, пожелать себе самому вершить суд. Стоит человеку попасть под чары этой идеи, как желание восстановить справедливость превращается в чувство долга, а затем и в фанатическую убежденность, что ты единственный, кто может справиться с этой проблемой.

Потому мальчик уже никак не мог закрыть глаза на отвратительный поступок Опарыша; внутри него забил фонтан благородного негодования и, заглотив наживку, он рванул домой к компьютеру.

Обычно, вернувшись на рассвете, мальчишка ложился спать, даже не помывшись, но в тот день он не мог справиться с возбуждением и чувствовал себя, словно астроном, открывший новую планету. Бросив взгляд на монитор, светящийся посреди темной комнаты, он пробежался пальцами по невидимой клавиатуре, готовясь печатать, подумал, что написать надо как-нибудь «покрасивше», и почувствовал, как вспыхнуло его лицо.

Собрав в кончиках пальцев всю энергию охватившей его страсти, он, словно сумасшедший пианист, принялся колотить по клавиатуре, громоздя в белом пространстве экрана ряды черных буковок, похожих на вереницу муравьев. Он печатал, менял, переставлял строки, потом обработал фотографии в фотошопе и вставил их в текст – каждую на свое место: вышел не пост, а истинный шедевр!

Он сразу же выложил в Интернет свое творение, на которое убил все субботнее утро. Разумеется, все, что на изображениях требовалось затушевать, он обработал мозаикой, но фотографии все равно получились настолько шокирующие, что, увы, совершенно затмили сквозившую в тексте идею о том, что миссия юного фотографа – заставить людей очнуться и осознать ужас происходящего.

За потрясающими скандальными снимками оказалось невозможным оценить все величие его замысла, что сильно огорчило мальчика. Жаль, что люди не поняли главного, но он все равно ощущал себя великим поборником справедливости, карающим взрослых, которые так кичатся своей успешностью.

Джастисмен привел доказательства того, что автор фотографий и автор эпатажного поста – одно и то же лицо.

«У мальчика ведь не было причин скрывать свою работу, наоборот, он ею очень гордился, считая, что поступил абсолютно правильно. Знали об этом и его приятели, ведь, пока история с Опарышем не позабылась, этот пацан тоже пользовался популярностью в Сети, так что узнать, кто он, было нетрудно», – добавил Джастисмен в комментарии к основному посту.

Собственно, в этом посте Джастисмен просто написал, что первой жертвой оказался молодой человек, который когда-то сфотографировал храпящего в нечистотах Опарыша. Неудивительно, прибавил Джастисмен, что полиция про это не говорила: все-таки трудно увидеть связь между этими двумя событиями.

Полицейские в большинстве своем вообще ничего не знали про историю с фотками Опарыша, да и времени прошло уже слишком много. Если бы не Джастисмен, никому бы и в голову не пришло связать первую жертву маньяка с фотографиями валяющегося в нечистотах Опарыша.

Бывший школьник стал уже аспирантом, и убили его прямо в институте.

Привалившись к белым обоям (его профессор-научрук не любил краски, считая, что они вредят здоровью), он сидел на полу рядом со своим столом и, казалось, смотрел, как его душа поднимается над его телом, проходит сквозь потолок… Возможно, он хотел спросить свою душу, куда она уходит.

Свидетелей не было, никто даже не мог точно сказать, когда прозвучали выстрелы. Как раз в то время рядом с университетом что-то строили, и если кто и слышал громкий звук, то решил, что это на стройке. Кому могло прийти в голову, что в университете в центре города раздастся выстрел? Неудивительно, что никто не встревожился.

Полиция заявила, что это очень дерзкое убийство и что за ним стоят личные мотивы, поскольку жертва не была ограблена. Это объяснение вызвало у людей насмешки: пусть даже кто-то и невзлюбил покойного аспиранта, но пристрелить задохлика ростом едва за метр семьдесят и весом шестьдесят четыре кг по личным мотивам?..

Полиция, правда, держалась этой версии до тех пор, пока не произошло второе убийство. «Судя по всему, это дело рук того же преступника», – объявили тогда полицейские. А потом они словно воды в рот набрали.

Впрочем, популярность постов Джастисмена про Опарыша и его фотографа была еще не так велика. Хотя форумчан, многие из которых вообще ничего не знали про историю Опарыша, заинтересовало, что первой жертвой оказался человек, сфотографировавший пьяного, но утверждение, что эти два события как-то связаны, вызывало вполне естественный скепсис. Объяснение Джастисмена выглядело любопытным, но несколько притянутым за уши.

Все изменилось, когда появился следующий пост: люди смогли проверить сказанное Джастисменом, и всякие сомнения в правильности его логических построений отпали. И с этого момента форум Джастисмена был у всех на устах.

Готика / Gothic

По словам Джастисмена, второй жертвой серийного убийцы оказался человек, который собрал воедино гуляющие по Сети разрозненные материалы об Опарыше и, кроме того, много всего, связанного с Опарышем, сам выложил, в том числе фотографию с выпускного. Фото было старым и обрабатывать его мозаикой убитый не стал, поэтому многие узнали Опарыша и тоже начали выкладывать его фотки. Что самое поразительное, этот второй убитый был одноклассником Опарыша.

В старшей школе этот самый одноклассник издевался над Опарышем, да так жестоко, что вряд ли бы осмелился взглянуть своей жертве в глаза, доведись им как-нибудь встретиться снова. Мучения Опарыша начались в первый же день учебы, когда он случайно наступил на ногу своему новому однокласснику и принялся испуганно извиняться. Оттого что Опарыш говорил ужасно тихо и даже покраснел из-за такой ерунды, одноклассник ощутил жгучую неприязнь: ему прямо-таки захотелось раздавить это жалкое существо.

Тот одноклассник не был школьным хулиганом. Наоборот, он был из тех слабаков, что покупают хулиганам сладости на свои карманные деньги, лишь бы те их не трогали. Опарышем хулиганы не интересовались: таких, как он, они

вниманием не удостаивали. Но этот парень, которым хулиганы помыкали с младшей школы, Опарыша просто возненавидел. Он не отнимал у Опарыша денег, ничего от него не требовал и никогда не трогал в открытую; нет, он мучил его тайком, исподтишка, наслаждаясь причиняемой болью.

Ему было не интересно отнять деньги или что-нибудь приказать сделать. Но он испытывал безумное удовольствие, всаживая в бедро Опарышу иглу циркуля. А когда, пробегая мимо, он, тайком ото всех, изо всей силы вонзал в спину Опарыша острый кончик авторучки – едва ли не прокалывая кожу до костей – его охватывало ни с чем не сравнимое наслаждение. Ему даже снилось это ощущение в руках и искаженное болью лицо Опарыша.

Лежа в кровати, он придумывал, как бы еще помучить Опарыша. По телу бежали мурашки, он улыбался, завернувшись в одеяло, ворочался, смотрел в темный потолок и хихикал. От сладких мечтаний в кровь выбрасывался адреналин, и уснуть было невозможно.

Ему казалось, будто между зубами протискивается кончик тупой иглы и давит, почти прокалывает ему десну. Было больно, но боль доставляла странное наслаждение, и хотелось потерпеть еще, хотя бы чуть-чуть… Мягко, но чуточку сильнее надавить иглой в самое сердце боли.

Мучить Опарыша можно было только тайком: прознай об этом хоть одна живая душа, пришлось бы отказаться от этой забавы, и из его жизни исчезла бы самая большая радость. От одной мысли об этом становилось тоскливо. Потому он выжидал, когда сможет остаться наедине с Опарышем.

Это получалось не так уж редко: обычно он предавался любимому занятию несколько раз на дню. И все же мучить Опарыша, когда захочется, было нельзя, и от этого мальчишка еще больше распалялся.

Он караулил Опарыша, словно гиена, поджидающая, когда же отстанет от стада раненый олененок. Стоило Опарышу отойти от других ребят, как его мучитель изо всей сил наступал ему на ногу или хлестал по рукам металлической линейкой.

Другие школьники ни о чем не догадывались. Во-первых, обидчик подло скрывал свои забавы от чужих глаз, а во-вторых, сам Опарыш никому не жаловался и не

пытался оказать сопротивление (а потому в глазах своего врага выглядел полным придурком).

Если бы Опарыш хотя бы раз дал отпор или пожаловался учителям, обидчику бы пришлось остановиться, сделаться осторожнее и реже трогать Опарыша, а то и вовсе прекратить свои жестокие забавы. Но Опарыш не умел давать сдачи, и обидчика это страшно бесило. «Дебил, как есть дебил!» – думал он, и чем больше мучил свою жертву, тем сильнее ее ненавидел.

Он с самого детства был такой: едва ли не с рождения ненавидел слабых и робких существ. В первом классе он издевался над школьными хомячками и в конце концов убил их; потом убил тупую черепаху, которая даже не пыталась защититься, а только ложилась на камни и замирала.

Понятное дело, у него и в мыслях не было убивать; кто в детстве думает о подобном? Вначале он потихоньку сунул в аквариум металлическую палочку для еды и ткнул черепаху в шею: было так интересно смотреть, как она прячет голову… Много прошло времени прежде, чем он проткнул ей шею насквозь.

Казалось, черепаха понимала, чего от него ждать. Стоило ему подойти к аквариуму и постучать по стеклу – «тук-тук», как она тут же втягивала голову, а ее лапы начинали дрожать. И мучитель не мог уже просто пройти мимо черепахи, которая при виде его вжималась в камни и водила туда-сюда расширившимися от испуга зрачками.

Первое время он подходил к аквариуму, легонько стучал палочкой по стеклу и хихикал. Потом начал тыкать палочкой в панцирь, потом стал дожидаться, когда рептилия успокоится и снова высунет голову, и хлестал по ней палочкой. Чаще, конечно, мазал, но, случалось, и попадал, тогда черепаха от боли опрокидывалась на спину, а он радовался и издавал странный звук: «кекеке». Один раз черепаха упала на спину и не смогла перевернуться обратно. Она сучила отчаянно лапами и то втягивала, то снова высовывала голову. Никто ничего не заметил, а мучитель быстро сунув руку в аквариум, перевернул черепаху обратно на живот, как будто ничего не случилось.

Заточенной в аквариум черепахе даже негде было от него спрятаться. А еще она не понимала, есть поблизости другие люди, которые могут ее защитить, или нет, и потому стоило ему появиться рядом, начинала отчаянно махать лапами, словно

пытаясь уплыть подальше, и его это страшно забавляло. А уж когда он смотрел на обезумевшую от ужаса черепаху, не знающую, что сейчас рядом никого, кроме него, нет и она полностью в его власти – это было потрясающее чувство.

Потому, выждав, пока закончатся уроки и все школьники и учителя уйдут домой, он шел к аквариуму. Он стучал палочкой по панцирю, затаившись, ждал, когда черепаха вновь высунет голову, и все ловчее хлестал по ней этой палочкой. Никогда раньше он не испытывал такого наслаждения, как в эти минуты. Казалось, между ног у него проходил электрический разряд, – и сразу хотелось по-маленькому.

Хотя он развлекался с черепахой, оставшись совсем один, от мысли, что кто-нибудь может случайно увидеть его забаву, у него будто скручивало позвоночник, а от страстного желания продолжать перехватывало горло. Наслаждение вызывало мурашки, они бежали по всему телу, и остановиться не было никакой возможности.

Закончив развлекаться, он мчался в туалет, глотал воду из-под крана и шел писать. От удара током, который прошел по нему, когда он издевался над черепахой, внутри все зудело: почесаться не почешешься, но если пописать, то моча, пробегая по уретре, утоляла это странное желание.

И вот, когда он со всей силы втыкал кнопку Опарышу в спину, его пронизывал тот же самый немыслимый, неконтролируемый восторг, который охватывал его при виде дрыгающей лапами черепахи.

И тут этот недоразвитый вновь возник в его жизни, добела раскалив Интернет. Вначале, конечно, не было уверенности, что Опарыш и есть тот самый придурок, его школьная жертва. Но полазив по сайтам, он убедился, что сходство ему не померещилось.

Связавшись с одноклассниками, он узнал, что этот дебил сейчас работает в той самой страховой компании, которую поминают в постах об Опарыше. От этой новости его снова охватило забытое им было наслаждение: от пальцев вверх по ногам побежали мурашки. Он сглотнул, словно мальчишка, вспомнивший о запретных сладостях, и сжал руки в кулак: настолько сильное чувство его охватило.

Вскочив, он бросился искать школьный фотоальбом, вынул фотку Опарыша, отсканировал и сразу же выложил в интернет безо всякой мозаики, потому что не умел этого делать. Его охватил тот же азарт, с которым он метил в голову черепахе. Такой радости он не испытывал, даже когда добывал в игре лут. Мысль о том, что одноклассник как был дебилом, так дебилом и остался, вызвала у него восторг.

Ото рта до самого ануса его охватило желание еще разок встретиться с ним вживую, обозвать его, плюнуть, отдавить ему ногу…

В нем вспыхнула непонятная, безумная радость от мысли, что, да, действительно, горбатого лишь могила исправит: прошло уже столько лет, а Опарыш по-прежнему ничтожество. Ему хотелось вонзиться в него зубами и вырвать из него кусок мяса.

В школьные годы он мог мучить только того, кто был слабее его самого. Взрослому отыскать жертву стало сложнее, и природную злобу приходилось сдерживать, но теперь можно было безо всякой помехи предаться интернет-травле.

А потом его застрелили прямо в интернет-кафе, которым владели его родители.

* * *

Он умер на своем месте за кассой, где когда-то с таким жаром строчил издевательские посты про Опарыша. На лбу, понятно, два аккуратных пулевых отверстия – словно прорезались два новых глаза. И ни единого свидетеля.

Удивительно, но, согласно судмедэкспертам, смерть наступила как раз тогда, когда в интернет-кафе бывает больше всего народу; обнаружил труп – и потом, вытаращив глаза и разинув рот, объяснялся с полицией – парнишка, который пришел в кафе поиграть.

Увидев страшное выражение лица и пустые глаза мужчины на кассе, пацан не сразу понял, в чем дело. Давая показания, он сказал, что смотрел на странные отметины на лбу и кровавые струйки под ними, но не понимал, что это.

«На витрине за его спиной я увидел красные капли и подумал, что ее так интересно покрасили – в голову не пришло, что это может быть кровь!», – объяснял парень.

Только осознав, что этот оригинальный узор из красных пятнышек – не краска, он вдруг уловил солоноватый запах.

Понимание пришло постепенно, как вода наполняет ванну. Парень задрожал, покрываясь мурашками. Он никогда прежде не видел мертвецов и теперь вглядывался в покойника, не в силах поверить в реальность происходящего, и, наконец, истошно завопил, тут же собрав у кассы всех посетителей. Убедившись, что кассир и впрямь мертв, они отправились в полицию.

Получалось, что кассира застрелили, пока они геймились. Грохот стрельбы в наушниках заглушил звук взаправдашнего выстрела, и ни один человек не уловил за шумом игры выстрелы, оставившие две круглые дырочки во лбу новой жертвы.

Форумчане тщательно проверили все эти факты: в самом ли деле убитый кассир и Опарыш – ровесники и одноклассники, в самом ли деле убитый выложил фото с выпускного. Все оказалось правдой, и посты Джастисмена стали восприниматься совсем-совсем иначе.

Потихоньку все начали проникаться мыслью, что Джастисмен прав: подобное просто так из пальца не высосешь, слишком много совпадений.

Глаза в пекле / Eyes in the Heat

Третьим убили журналиста рубрики «Жизнь общества» одного известного электронного СМИ: его статья про Опарыша когда-то прогремела на всю Корею.

Броский заголовок «ШОК! Город утопает в нечистотах!» мгновенно привлек внимание читателей, и историю, которая до того бродила по форумам и личным страничкам, стали обсуждать повсеместно.

Даже те, кто саму статью не читали, что-то про нее да слышали. «Не из-за таких ли «опарышей» вечно запакощены наши улицы?» – с горечью вопрошал журналист. Не жалея красок, он расписывал, как безответственные пьянчуги вроде этого при попустительстве равнодушного общества уродуют город. «Может ли полиция бороться с такой напастью, если преступники отделываются символическим наказанием и несут одну лишь административную ответственность? А если посмотреть на дело непредвзято, то ведь тут уголовно наказуемое хулиганство!» – заключал автор статьи.

На фотографии, сопровождающей статью, был Опарыш, развалившийся посреди нечистот. Раньше официальные СМИ этой фотографии не публиковали. Под ней, правда, было написано, что она в чистом виде иллюстративная и к описываемому происшествию не имеет никакого отношения, но легко было догадаться, что на ней запечатлен именно герой статьи. После этого сделавшийся притчей во языцех Опарыш и получил от брата жесткий совет поскорее убраться в деревню.

Если честно, журналиста Опарыш не интересовал совершенно; на успех статьи он не рассчитывал, а потому внезапная удача и возможность получить премию от редакции его очень порадовали. Оглядываясь назад, он вполне мог сказать, что в тот день вытащил счастливый билет, о котором не смел даже мечтать.

Самые тяжелые для журналиста дни – это когда в обществе тишь да гладь. Редактор ждет острых тем и новостей, да и самому журналисту не терпится увидеть свои статьи в топе новостной ленты, но Интернет переполнен примитивными постами обычных людей. Посты эти ни о чем, но их больше, чем бомб, сброшенных на Дрезден, и профессиональные материалы оказываются погребенными под этой мусорной лавиной. В общем, нашумевшую статью про Опарыша журналист писал отнюдь не из чувства гражданского долга: просто его достали бесконечные попреки и нотации редактора.

Долг журналиста – нести людям правду, но кому она интересна, эта правда? Чтобы добиться популярности, ему приходится потчевать читателя байками, которым так же далеко до правды, как древней легенде о лунных зайцах до научно доказанной истины. Журналистика свелась к работе рекламщика, который старается придумать как можно более яркое объявление. Редактор требовал, чтобы заголовки обещали сенсацию, бросались в глаза и возбуждали эмоции. Тема и качество были на десятом месте и никого не волновали. Главное – это клики пользователей: заголовок должен быть таким, чтобы всякий захотел

кликнуть по нему и открыть твою статью.

Когда-то журналист мечтал работать в лучших корейских СМИ и свято верил, что журналистика призвана спасти мир. Но время шло, постепенно он осознал, что в джунглях современного общества благородством и честностью признания не добьешься, и мало-помалу приспособился. Другого выхода у него не было.

Что остается от твоих убеждений, когда ты понимаешь, что тебе нечего есть? И он работал, чтобы жить, чтобы заработать себе на плошку риса. В обед покупал на улице дешевые пирожки в форме карпов, ел их на ходу и думал: «Зачем надрываться, если ты не владелец популярной газеты?» За статейки ему платили сущие гроши, и, в конце концов, он стал подрабатывать в своей же редакции накруткой кликов.

Прошло несколько лет. Он сидел однажды вечером в одиночестве в какой-то забегаловке на рынке Кванчжан, жевал фасолевые лепешки, запивал их рисовой брагой и равнодушно глядел на аппетитные блюда, освещенные тусклыми лампами, а то разглядывал прохожих, которые невольно оборачивались на соблазнительный запах и, просветлев лицом, шли дальше.

А думал он о том, какой легкой оказалась метаморфоза. До определенного момента он полагал, что просто подчиняется силе обстоятельств. Но потом понял, что дело не только и не столько в обстоятельствах.

Он получал гроши, но даже ради такого заработка ему действительно пришлось измениться. Точнее даже так: пришлось сбросить маску благородства и стать самим собой. Пока он получал образование, ему внушили, что такое «хорошо» и что – «плохо», и какое-то время он искренне считал себя человеком, который живет «правильно». Но это была всего лишь маска, иллюзия.

Он выбрал профессию журналиста, желая быть на правильной стороне. Тогда он думал, что опасной болезнью поражено общество, а теперь осознал, что болен он сам. В него словно ударила молния, и ему стало ясно, что мир не принуждал его принять эту никчемную суетливую жизнь, нет, он просто-напросто сорвал с него маску.

Он не изменился, нет, он просто вернулся из прекрасного далека в свое природное состояние, лишенное благородства и красоты. Сколько понадобилось

времени, чтобы это признать? «Моя жизнь ничем не пригляднее пола в этой заплеванной харчевне», – усмехнулся он, допивая бражку. Он встряхнул бутыль, убедился, что бражка – всё, закончилась, и, тяжело, с присвистом вздохнув, поднялся с места.

Когда-то он мечтал уподобиться парящему в синеве орлу. А сам уже много лет шнырял, точно крыса, по замызганному полу и рылся в гнилых отбросах. Но, наконец, он ощутил, что ему под силу сражаться с хищниками, он даже может спасти кого-то, вырвав жертву из их когтей.

Когда-то, много лет тому назад, Опарыш стал его счастливой звездой. Сперва ему было противно браться за такую тему – словно в выгребную яму лезть. Но вскоре предметом досады и раздражения стали сама история и ее герой, так что в конечном итоге получился обвинительный памфлет, своего рода объявление войны заполонившей город мерзости. Та страстная статья произвела настоящий фурор.

Дело не ограничилось хорошей премией от редакции. Изменилась вся его жизнь: его позвали работать в другое издание – хоть и не очень большое, но пользующееся успехом у читателей.

Журналист, который до сих пор жил в бедности, которому приходилось приспосабливаться и ловчить, чтобы не умереть с голоду, решил, что теперь, добившись успеха, он заживет припеваючи, счастливо и благополучно.

Но вышло иначе. Выбравшись из жестокой нужды, он вначале ощутил блаженство, словно человек, который продрог и, придя домой, наконец укутался в теплое одеяло. Очень скоро ему стало казаться, будто он вырядился в чужую одежду, неудобную, сковывающую движения.

Раньше любые неудобства и беды представлялись ему лишь препятствиями на пути, а теперь возникло такое чувство, словно он оказался на чужом, неверном пути. Ему стало неуютно и беспокойно.

Он был убежден, что несчастья обрушиваются на человека извне, и потому даже не задумывался о бедах, которые приходят изнутри. Он полагал, что лишь тот может справиться с горькой долей, кто изначально родился, как говорят, с золотой ложкой во рту, у остальных такого везения нет, а родиться в семье

бедняков – это вообще клеймо на всю жизнь.

И вот, внезапно получив, благодаря Опарышу, все, о чем он так мечтал, журналист вдруг осознал, что он вовсе не так счастлив, как может показаться. Это не было капризом человека сытого, который наелся всего и теперь с жиру бесится. Наверное, правильнее было бы назвать это болезнью роста: так бывает, когда душа взрослеет и крепнет.

Статья об Опарыше изменила все. Журналист, наконец, ухватился за возможность познать себя, заглянуть в самые глубины своей души, которые не хотел замечать в те дни, когда ему казалось, будто миром правят только власть и деньги.

Он встретил людей из высшего общества и, заглянув в их низкие души, вдруг осознал, что вовсе не хочет с ними сближаться. Да, раньше ему вечно приходилось скулить: мол, мне очень жаль, но у меня не было другого выхода. И все же в глубине души он не был испорченным человеком. Да, он всегда был недоволен своей жизнью, но, если разобраться, и недоволен-то был потому, что душа его истомилась по чистоте.

Почти все люди, живущие в том мире, куда он страстно мечтал попасть, показались ему больными. Их мысли представились непостижимыми для его разума, как мысли летучих мышей или змей. Казалось, у них только людская оболочка, а речь и поступки, словно у жутких инопланетных тварей. Он не понимал их, и общение с ними сделалось невыносимым.

Оглядываясь назад, журналист видел, насколько глупо было искать одобрения окружающих, как бессмысленно было поддаваться чувству неполноценности, если получить это одобрение не удавалось. Гораздо важнее оказалось то, как ты оцениваешь себя сам. Если ты не веришь в себя и себя не любишь, то, даже если ты окажешься в самом что ни на есть расчудесном месте, ты все равно не сможешь быть счастливым.

Нынешние его переживания ничем не напоминали тогдашние муки больного самолюбия, страдающего от отсутствия признания. Он больше не пытался надеть маску в надежде, что люди его заметят и оценят; не страдал от того, что живет черт-те как в мире, где ему ничего не принадлежит. Теперь у него был свой внутренний мир, и он почувствовал, что его душа все-таки не чета

заплеванному полу в забегаловке на рынке Кванчжан.

И по мере того, как созревал его внутренний мир, до него стало доходить, что именно он может сделать для этой вселенной, гармония которой нарушена тысячи лет назад.

Постепенно свет, озаривший глубины его души, стал проникать в его жизнь, словно свет солнца, которое растапливает снег и пробуждает цветы. «Я же журналист. Надо хоть раз в жизни написать по-настоящему хорошую статью, попытаться хоть что-то сделать, чтобы восстановить гармонию». За прошедшие несколько лет эта мысль окрепла и созрела, и, наконец, в надежде исполнить задуманное, он поехал собирать материалы в городок, расположенный в устье реки Сомчжин, но по дороге, во время остановки в Чхонане, был убит в туалете с крошевом знаменитого чхонанского печенья во рту.

Он отправился туда расследовать смерть старшеклассницы. Официальное следствие закончилось, полиция пришла к выводу, что девочка покончила с собой из-за депрессии. Но журналист больше не мог безучастно наблюдать за маленькими трагедиями, о которых общество так легко забывает и к которым относится как к делам самым что ни на есть заурядным: вот, кто-то позавтракал, кто-то почистил зубы, а ученица какой-то провинциальной школы покончила с собой. Но журналист не доехал.

А на лбу у него появились две аккуратные дырочки.

Свидетелей не было. Звуки выстрелов заглушил грохот самосвалов на дороге.

Как всегда, к посту с этой историей Джастисмен приложил материалы, подтверждающие его слова. И многие форумчане принялись строить гипотезы, гадать, кто же убийца. Большинство пришли к выводу, что это Опарыш.

Куда делся Опарыш, никто не знал, все трое убитых были с ним связаны, все были его врагами – уж, конечно, он и есть главный подозреваемый, кто же еще? Но другие возражали: псу понятно, что Джастисмен еще не закончил, рано класть ложку, нужно дослушать до конца!

На форуме случился настоящий холивар, оппоненты даже предлагали развиртуализироваться и разобраться вживую. Встретились ли они в реальности

и дошло ли дело до драки, об этом история умалчивает.

Тем не менее, в ту пору Джастисмена знали только пользователи Интернета, которые посылали друг дружке ссылки на его форум, обсуждали его посты и горячо спорили. Когда же Джастисмен рассказал о четвертом убитом, пошли другие разговоры: мол, есть преступники, которых меч правосудия настичь не может, и вот место бессильного закона пришел занять Мститель, готовый найти и покарать виновных…

Мерцающая субстанция / Shimmering Substance

Труп, обнаруженный в устье реки Сомчжин, был так сильно раздут, что не поймешь, кто это. Никаких вещей или документов, по которым можно идентифицировать личность, обнаружено не было, и полицейские горестно вздыхали, предвидя тяжелую работенку. Но тут из НИИ судебных экспертиз и криминалистики пришел результат вскрытия, и копы вздохнули уже с облегчением – это было самоубийство. Погибла ученица старшей школы.

По отпечаткам пальцев и данным из стоматологической клиники, полицейские установили личность девочки, после чего отрапортовали, что школьница покончила с собой из-за плохих оценок – непонятно, как так получилось, но она напрочь завалила экзамены.

Отчего сеульской школьнице понадобилось тащиться на другой конец страны к реке Сомчжин, чтобы свести счеты с жизнью, в рапорте не было ни слова, и надо думать, полиция этого и не знала. Ни у кого не было желания возиться с самоубийством. У полицейских никогда не хватает людей на расследование таких вещей, как приведшие к самоубийству депрессии подростков.

Подобными случаями занимаются пресса, общественные организации, Министерство по делам семьи и гендерного равенства, а в сферу компетенции полицейских они не входят. Полиция расследует преступления. Будь это убийство, копы ловили бы преступника, пытались бы вникнуть в его мотивы, но им ни к чему копаться в деталях тех обстоятельств, которые привели человека к унынию, пусть даже он из-за них лишил себя жизни.

Не имело значения даже место, откуда спрыгнула девочка – была ли это крыша здания, перила моста или утес над рекой. Для полиции важно было только одно: убийство это или самоубийство, а раз выяснилось, что самоубийство, значит, миссия выполнена.

В других организациях к смерти школьницы отнеслись точно так же и вспоминали об этом случае, только если нужно было проиллюстрировать тему жесточайшей конкуренции среди выпускников при подготовке к ЕГЭ.

Пресса тоже хранила молчание, но во время расследования обнаружилась довольно странная вещь: девочка ушла из дома за месяц до самоубийства, а родители так и не подали заявление в полицию.

На вопрос детектива, убегала ли она из дому раньше, они ничего не ответили, только продолжали плакать. Он решил, что и без их ответа все ясно и на сем поставил точку в расследовании. «Нет, ну, вот как это, – ворчал младший следователь. – Ребенок уже месяц как ушел из семьи, а они и в ус не дуют!»

– Слушай, в этом мире множество семей, и все только снаружи кажутся нормальными, а если заглянуть поглубже, то окажется, что все не так просто, понимаешь? У всех полно своих скелетов в шкафу.

Следователи сидели вдвоем в столовой, и старший, вылавливая из говяжьего бульона крахмальную лапшу, рассуждал, что нет семей без проблем, просто те, кто умеют их хорошо скрывать или молча переносить, могут повесить на дверь табличку «счастливая семья», имеют на это право. «Не у одного же тебя были дома скандалы из-за ночных дежурств, но люди же как-то справлялись… Короче, проблема не в самой проблеме, а в том, можешь ли ты с ней справиться». – С этими словами старший следователь доел последнюю лапшинку, вылил рассол из квашеной капусты-кимчи в оставшийся бульон и выпил его прямо из тарелки.

Самоубийство девочки и причины, по которым ее родители не стали подавать в розыск, казались всем такими же естественными, как добавленный в бульон рассол из кимчи. Однако были все же два человека, пытавшихся обстоятельно расследовать эту историю, причем один из них оказался в центре внимания общественности, так как его застрелили в туалете возле остановки междугородних автобусов города Чхонан, с недожеванной печенькой во рту. Так что теперь остался только один, и я предлагаю внимательно присмотреться к

тому, что ему удалось выяснить. Школьница оказалась героиней нашумевшего в Интернете порнофильма «Первый опыт». Не из-за проблем с учебой она впала в депрессию, нет, она стала жертвой пробуждающегося сексуального инстинкта, справиться с которым общество не захотело ей помочь.

Девочка не по своей воле снялась в этом видео – ее засняли тайком. Еще совсем недавно она была совершенно обычной школьницей. С оценками все в порядке, с одноклассниками отношения тоже неплохие, поэтому люди, не знавшие об этой истории, и представить себе не могли какие-то иные мотивы самоубийства, кроме проваленных экзаменов.

Мало кто задумывается о том, что скука повседневной жизни нередко провоцирует интерес к опасным вещам. Рано или поздно подобное любопытство охватывает всякого, но далеко не каждый может осмелиться поддаться ему и без всякой страховки, очертя голову броситься в опасное приключение, перечеркнув всю свою прежнюю жизнь.

Подросткам особенно тяжело противостоять искушениям взрослой жизни, и только их школьные обязанности и нагрузки не позволяют ребятам кинуться с головой в омут страстей. Ирония состоит в том, что и те, кто пытается с этими соблазнами бороться, тоже рискуют разрушить свою жизнь уже одним тем, что задумывается о таких вещах. И мало кто из взрослых в состоянии это понять.

Каждый, чья жизнь напоминает бег по кругу, может в любой момент ощутить очарование нового недоступного ему ранее опыта, у любого бывают минуты слабости, когда он не в силах бороться, и если в этот миг его чуть-чуть подтолкнуть – он не устоит. И в первую очередь это относится к школьникам, которые еще так мало видели в жизни.

Именно это и произошло с нашей девочкой. Причина, разрушившая ее жизнь, не была какой-то необычной. Перед школьницей возникла манящая возможность вкусить еще неведомый ей опыт, а серость унылых будней словно сбросила ее со скалы, толкнула к тому, чтобы это неизведанное попробовать.

Никто не догадывался, что за наивным и безмятежным личиком девочки прячется настолько сильный интерес к сексуальной стороне жизни, что он нередко полностью завладевал ее мыслями. Даже она сама не осознавала, насколько велико ее потаенное влечение. Кроме того, мы не должны забывать,

что очень многие старшеклассники чувствуют точно такое же любопытство и тягу к соблазнам взрослой жизни, как и она.

В старшей школе девочка подружилась с новой одноклассницей, а та оказалась ночной бабочкой. И тоже нельзя сказать, что это был какой-то особенный ребенок, с какими-то особенными проблемами. Она ничем не отличалась от своих подружек. И, разумеется, никто даже не догадывался, что она подрабатывает проституцией. Но лучшей подруге она призналась, что спит с мужчинами. В тот момент девочки и не подозревали, что их разговор станет своего рода катализатором, который подтолкнет нашу героиню выйти за пределы привычного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sonu_to/dzhastismen

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити